

УДК 001.9+165.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2026.1.037

НЕЗНАНИЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС

Ю.В. Буртовая, А.И. Рагойша, А.А. Шестаков

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,
г. Самара

В статье обосновывается идея о незнании как стратегическом ресурсе, способном оказывать существенное влияние на развитие социально-политических институтов, экономических стратегий и культурных процессов. Такой подход подразумевает переосмысление традиционных представлений о знании как главной ценности и источнике власти, а также выявление потенциала незнания как инструмента стратегического манипулирования, формирования альтернативных сценариев развития и создания условий для инновационного мышления. В основании исследования лежит гипотеза о том, что незнание может быть не только результатом ограниченности информационной среды или наличия когнитивных барьеров, но и сознательным инструментом, используемым для достижения стратегических целей. Можно ли себе представить такой мир, где не знать чего-то – вовсе не слабость, а стратегия? Современная реальность подталкивает нас именно к такому пониманию. В эпоху, когда информация льётся потоком, а её объёмы растут как снежный ком, умение управлять незнанием превращается в ценный навык – как для политика, так и учёного, и бизнесмена. Стратегическое незнание – это не случайная неосведомлённость. Это сознательный выбор: умолчать, проигнорировать или даже разыграть «незнание» там, где каждый в принципе мог бы знать. С какой целью? Чтобы получить дополнительный рычаг влияния. В условиях глобальных кризисов, социальных потрясений и экологических катастроф абсолютное знание становится иллюзией, а управление неопределённостью – ключевым навыком для выживания и развития. В этом смысле стратегия незнания – это не отказ от знания, а умение управлять *границами* знания, использовать его как инструмент для создания новых сценариев и избегания предсказуемости со стороны своих оппонентов или обстоятельств.

Ключевые слова: власть, манипулирование, незнание, стратегический ресурс, этика, знание.

Введение

Истолкование незнания в качестве стратегического ресурса предполагает смену привычных взглядов на роль информации и знания в современной действительности. В условиях бурного технологического прогресса, глобализации и динамичного изменения условий существования, традиционные модели, основанные на полном и точном знании, начинают

уступать место более гибким и адаптивным подходам, где именно недосказанность, неизвестность и умение управлять последними становятся ключевыми факторами успеха. На авансцену выдвигается вопрос о том, каким образом незнание может служить стратегическим активом, как его можно использовать для формирования преимуществ в конкурентной борьбе в сфере политики, научных исследований и личностном развитии.

Одним из ключевых аспектов осмысления этой темы является понимание того, что незнание отнюдь не всегда является пассивным состоянием или ошибкой, а зачастую представляет собой активную опцию, позволяющую избегать ловушек фиксированных убеждений, создавая тем самым новое пространство для инноваций и проявляя гибкость в условиях неопределенности. «...Незнание оказывается результатом познавательной деятельности, а не отсутствием этой деятельности, т.е. оно, как и знание, обусловлено познавательными процедурами» [8, с. 86].

Научный интерес к данной теме обусловлен тем, что в условиях современных обществ знания, характеризующихся информационной насыщенностью, быстротечностью событий и сложностью систем, традиционные стратегии, основанные на полном знании и предсказуемости, оказываются недостаточными или даже опасными. В таких условиях управление незнанием, его использование в качестве стратегического инструмента, становится решающим навыком для лидеров – ученых, политиков и предпринимателей. Более того, современная наука сама по себе сталкивается с ограничениями, связанными с объемом и качеством знаний, что побуждает к переосмыслению роли незнания как потенциального источника новых идей и решений. Как писал М.К. Мамардашвили, «философия есть гигиеническое, профессиональное занятие незнанием» [13, с. 43].

Истоки концепции незнания в философской традиции

Истоки понимания незнания как важнейшего момента человеческого существования и философского мышления уходят в глубь исторического развития идеи о границах познания, о природе знания и о роли неопределенности в формировании картины мира. В рамках философской традиции незнание квалифицировалось не только как недостаток или состояние невежества, но и как фундаментальный элемент, формирующий границы человеческих возможностей, а также источник новых горизонтов познания и стратегического мышления (см. подр.: [1]).

Одним из первых и наиболее плодотворных философских подходов к проблеме незнания является древнегреческая философия, в частности, учение Сократа. Этого мыслителя можно назвать одним из основателей европейской философской традиции, он сделал центральной идеей признание собственного незнания. Его знаменитая фраза «Я знаю, что ничего не знаю» [15, с. 210] стала символом философской ответственности и осознанной неопределенности. В противовес типичного негативного восприятия незнания

как недостатка, Сократ рассматривает его в качестве стратегического ресурса, поскольку осознание собственного незнания является первым шагом к истинному знанию. Мыслитель превратил его в инструмент поиска истины. Признавая собственную ограниченность, человек, согласно его мысли, открывается для диалога, готов к пересмотру убеждений и движению вперёд. Ученик Сократа Платон в своей знаменитой «аллегории пещеры» идёт дальше (см. подр.: [5]). Он рисует картину человека, запертого в мире теней, который принимает за реальность лишь отблески истинных форм. Незнание здесь – вовсе не тупик, а точка старта. Осознав собственные иллюзии, мы получаем шанс выйти на новый уровень понимания.

В эпоху Средневековья и раннего Нового времени концепция незнания продолжает обсуждаться в рамках христианской философии и схоластики. Такие философы, как Августин и Фома Аквинский, подчеркивали ограниченность человеческого разума и необходимость веры как дополнения к разумному познанию. «...Вера есть основа человеческого познания, гарант его способности познать истину» [17, с. 56]. Незнание здесь приобретает религиозную окраску – становясь частью божественного плана, а признание своих ограничений – проявлением смирения и духовной мудрости. Тем не менее, в рамках схоластической традиции появляется идея о том, что человеческое знание всегда остается неполным и несовершенным, и что истинное понимание достигается не только через познание, но и через осознание границ этого познания. Гегель рассматривал развитие знания как процесс постоянного преодоления противоречий, в ходе которого незнание и неопределенность играют конструктивную роль. Главное, что в диалектике знание и незнание не противостоят друг другу – они взаимодействуют, подталкивая систему к развитию. Как сказано: «*Определением человека служит мыслящий разум*» [2, с. 101]. Философы экзистенциалисты – Жан Поль Сартр, Мартин Хайдеггер – также не обошли тему стороной. Последний вводит понятие «бытия как не знание» (см. подр.: [18]), тем самым подчёркивая: человек всегда живёт в тумане непонимания – и своего бытия, и мира вокруг. Однако именно это незнание рождает творчество, заставляет искать смысл.

В современных условиях когнитивные науки и философия смотрят на незнание шире. Оно – не просто «дыра» в знаниях, а часть человеческого опыта и даже инструмент мышления. Теория неопределённости, модель «чёрных ящиков», системный подход – всё это показывает: незнание может работать на нас. Именно оно открывает дорогу инновациям. Иными словами, то, что раньше считалось всего лишь помехой, теперь становится ресурсом. «...Существует не только научная культура незнания, но и практика управления незнанием, и это тоже является частью некой общей культуры незнания» [4, с. 72]. Подводя итог изложенному выше, можно констатировать, что философская традиция не оставила без внимания проблему незнания, рассматривая его как сложный, многогранный и универсальный когнитивный феномен.

Незнание как инструмент властных структур

Исторически сложилось так, что власть и знание выступают как две стороны одной медали, причем процедура управления незнанием – является неотъемлемой частью стратегий по удержанию и укреплению власти. В рамках современной теории и практики власти незнание становится не просто побочным эффектом информационной асимметрии или результатом недостатка знаний, а сознательным и целенаправленным инструментом, используемым для формирования и поддержания определенного социального порядка, манипуляции общественным мнением и реализации политических целей. «Не означает ли это, – отмечают В.Н. Порус и В.А. Бажанов – что рациональность науки контролируется чьими-то интересами и предпочтениями, возможно уступая их влиянию в принципиальных моментах?» [16, с. 21]. Получается незнание приобретает особый статус – стратегического ресурса, позволяющего властным структурам сохранять контроль, управлять массовым поведением и создавать условия для легитимации своей власти.

Одним из ключевых аспектов использования незнания в интересах власти является управление информацией и – обратная сторона этого процесса – умышленное сокрытие или искажение информации. Власти, стремясь удержать контроль, могут ограничивать доступ к знаниям, контролировать потоки информации, создавать информационные «черные ящики», в которых важные сведения остаются недоступными или искажёнными. Такой подход позволяет формировать у населения иллюзию полноты знания, сопряжённую с сокрытием секретной или искажённой критически важной информации. Примером тому служит практика цензуры, политического манипулирования СМИ и пропаганды, где незнание становится инструментом формирования нужных обществу образов и убеждений. «...Пока научные сообщества учатся принимать незнание и неопределённость, анти-, псевдо- и лженаучные сообщества паразитируют на внимании общественности, ожидающей (по привычке) окончательных утверждений» [4, с. 72].

Власти нередко используют незнание как инструмент контроля. Каким образом? Они создают ситуации, где граждане просто не могут знать. Цензура, блокировки, пропаганда, искажение фактов – всё это формирует так называемые «информационные пузыри», где человек видит лишь то, что ему позволяют. Незнание превращается в оружие: оно порождает страх, неуверенность, зависимость от тех, кто «владеет информацией». Здесь незнание выступает средством создания и поддержания социальной иерархии, где знание выступает в виде привилегии, доступной немногим, тогда как большинство живет в состоянии информационной неосведомленности, что в ещё большей степени закрепляет их подчинение и зависимость. В этой связи можно констатировать «...знание является условием реализации незнания: второе существует через первое» [8, с. 84]. Феномен незнания как инструмент власти ярко проявляется в практике политической пропаганды и манипуляции общественным мнением. В рамках этого механизма создаются ситуации, когда население не осведомлено о реальных причинах и мо-

тивах политических решений, а вместо этого формируются иллюзии и стереотипы, служащие интересам правящих элит. «В рамках политизированных версий «культуры незнания» объективные исторические перемены в статусе групп и их идиомах игнорируются, а на анализируемые явления носителями «культуры незнания» сознательно или несознательно проецируются современные политические стереотипы. [11, с. 359]. Например, ложные данные в качестве оправдания военных действий или общественных реформ. Здесь незнание – способ скрыть правду, но при этом сохранить видимость открытости.

Естественно, что с развитием технологий методы усложняются. Алгоритмы поиска, соцсети, персонализация контента – всё это создаёт всё новые и новые «пузыри». Вы видите только то, что подтверждает ваши взгляды или выгодно управляющим структурам. И граница между знанием и незнанием становится всё размытее. Возникает парадокс: чем больше мы доверяем алгоритмам, тем сильнее зависим от их «непрозрачности». Мы уже не просто получаем какую-то информацию – нам доводится её интерпретация. Не менее значимым аспектом является использование незнания как инструмента социального контроля в повседневной жизни. В рамках современных институтов власти создаются системы, в которых граждане вынуждены доверять источникам информации, зачастую не обладая возможностью самостоятельно проверить факты или осмыслить истинные мотивы решений. Так, например, в условиях сложных социально-экономических или политических кризисов население нередко оказывается в ситуации, когда оно вынуждено принимать решения, руководствуясь неполной или искажённой информацией. Поэтому можно утверждать, что «эпистемология незнания» – это проблема групповой идентичности угнетённых слоев населения» [20, р. 44].

Власть использует незнание для укрепления своих позиций, устранения оппозиции и формирования управляемых обществ, в которых легитимность и устойчивость власти поддерживаются не только силой и законом, но и умением управлять знанием и незнанием. В современную эпоху общества знаний данная стратегия приобретает совершенно иные формы и масштабы, делая незнание мощным инструментом в арсенале тех, кто стремится к власти и контролю.

Этические измерения стратегического незнания

Итак, стратегическое незнание – это не просто пассивная позиция неопределённости или недостатка информации, а сознательная тактика, направленная на управление восприятием, формирование общественного мнения и удержание власти. Вполне естественно, что в таких условиях возникает сложная этическая дилемма: допустимо ли использование незнания в целях достижения политических или экономических целей? Какие моральные границы должны быть установлены в отношении искусственно со-

здаваемых или поддерживаемых ситуаций невежества? Иными словами, какие этические принципы должны регулировать практики стратегического незнания и какие последствия могут иметь их нарушения?

Один из центральных вопросов этики стратегического незнания связан с его потенциальной аморальностью или, наоборот, оправданностью в рамках борьбы за справедливость и благополучие общества. С одной стороны, можно утверждать, что использование незнания – это форма манипуляции, обмана и нарушения права на информацию, что подрывает основы демократии, прозрачности и личной свободы. «Незнание идеального порождает наше неумение пользоваться его информационными возможностями, что рекурсивно питает всё то же незнание [7, с. 29]. В этом случае стратегическое незнание выступает как инструмент подавления, блокирующий развитие критического мышления и формирующий зависимое, управляемое общество. Такой подход вызывает серьезные опасения с точки зрения этики: он посягает на достоинство личности, право на её самоопределение и способность самостоятельно принимать решения на основе полного и достоверного знания.

Зададимся вопросом: где проходит граница между оправданным управлением незнанием и манипуляцией, подрывающей доверие и разрушающей сами основы социальной справедливости? Одним из ключевых этических критериев здесь становится прозрачность и целесообразность. Если управление незнанием осуществляется с целью защиты и в рамках открытости о причинах и целях таких мер, то оно может рассматриваться как этически оправданное. В противном случае, если оно превращается в латентную стратегию обмана, то становится формой морального преступления, подрывающего доверие и нарушающего права граждан на информацию. «Огромный пласт незнания связан с не изученностью и даже игнорированием редких, неповторяемых, непредсказуемых явлений, засекречиванием информации о них» [7, с. 30].

Изучая этические аспекты стратегического незнания, важно учитывать смысл, в котором оно применяется. В философии этики существует множество подходов к оценке допустимости подобных практик. К примеру, утилитаризм рассматривает вопрос с точки зрения максимизации общего блага: если скрытие или искажение информации способствует предотвращению большего зла или страдания, то такое действие может быть оправдано. Есть ситуации, где умышленный «пробел» может быть оправдан: защита национальной безопасности; предотвращение паники; сохранение культурных ценностей. Например, в условиях угрозы теракта государство может ограничить доступ к информации – ради безопасности граждан. Но где тут грань? Не превратится ли это в оправдание любых манипуляций? Кантовская этика даёт чёткий ответ: действия должны соответствовать универсальным моральным нормам – честности, уважению к личности, праву на информацию и т. п. Манипуляция же, основанная на искажении или ута-

ивании, подрывает доверие и нарушает автономию человека. В современной практике получила распространение идея о необходимости установления границ допустимых стратегий управляемого незнания. Такие границы могут быть определены через принципы минимизации вреда, необходимости, пропорциональности и ответственности. Например, в области журналистики и научных исследований существует этический стандарт о необходимости честного и открытого представления информации, за исключением случаев, когда её раскрытие может причинить вред невинным людям или национальной безопасности. «Общество же ответственно за то, как научные результаты используются, с толком или без него, на благо или во вред» [16, с. 23].

В конечном итоге, ответственность за этическое использование стратегического незнания лежит не только на тех, кто его применяет, но и на обществе в целом, которое должно выработать механизмы контроля, прозрачности и ответственности в этой сфере. Имеются основания констатировать, что «... с учетом роста дезинформации и кризиса доверия между экспертным и не экспертным сообществами, игнорировать незнание как часть современной познавательной культуры – это практически объявлять капитуляцию перед невежеством» [3, с. 27].

Невидимая власть

«Последняя истина рождается в глубочайшей тайне и одиночестве. Она не только не требует, она не допускает присутствия посторонних» [19, с. 284]. В современном обществе концепция власти претерпевает значительные трансформации, уходя от классических моделей, основанных на прямом контроле, принуждении и открытом доминировании, к более тонким, неявным и зачастую невидимым формам влияния. Эта невидимая власть, или, как её ещё иногда называют, «мягкая власть», становится все более актуальной в условиях информационной эпохи, глобализации, технологического прогресса и развития систем коммуникации. В отличие от явной власти, которая выражается в законах, принуждении или административных мерах, невидимая власть функционирует через механизмы формирования сознания, управляемых сценариев поведения, систем убеждений и культурных кодов, зачастую оставаясь незаметной для независимых наблюдателей и самих реципиентов воздействия.

Одной из ключевых характеристик современной невидимой власти является её способность формировать восприятие реальности, управлять информационными потоками и скрывать истинные мотивы и цели тех, кто её осуществляет. В этом смысле невидимая власть превращается в мощный инструмент, который, будучи незаметным, одновременно оказывается наиболее эффективным и опасным. Она действует через институты медиа, технологии, культурные практики и социальные нормы, создавая условия, при которых большинство агентов социального взаимодействия восприни-

мает происходящее как естественный порядок вещей, а не как результат целенаправленного воздействия. Получается, что демократизация вовсе «не гарантирует от небескорыстного воздействия на принятие решений учеными со стороны различных политических сил, группировок и социальных структур, причастных к политике» [16, с. 24].

Исторически невидимая власть проявлялась в различных формах. В античности и средневековье она реализовывалась через религиозные институты, сакрализацию правителя, а также через тонкое управление сознанием общества с помощью символов, ритуалов и традиций. В эпоху Просвещения и последующих эпох происходило постепенное раскрытие механизмов власти, зародились идеи о необходимости прозрачности и ответственности, однако невидимая власть продолжала сохранять свою закрытость, адаптируясь к новым условиям. В XXI в. развитие масс-медиа, пропаганды, психологических манипуляций и технологий контроля значительно расширили возможности невидимой власти, сделав её в ещё большей степени универсальной.

Современные практики невидимой власти тесно связаны с развитием информационных технологий и цифровых систем. Сегодня невидимая власть реализуется через алгоритмы, социальные сети, поисковые системы, системы управления данными и искусственный интеллект. Такие технологии позволяют не только управлять информационным пространством, но и формировать автоматические сценарии поведения, предсказывать реакции и даже программировать сознание. Например, целенаправленная персонализация контента, фильтрационные механизмы и «черные ящики» алгоритмов создают условия, при которых пользователь зачастую не подозревает о том, что его восприятие реальности искусственно формируется и управляется извне. Одним из ярких проявлений невидимой власти в цифровую эпоху является концепция «информационной гегемонии», когда доминирующие группы, корпорации или государства используют свой контроль над информацией для закрепления собственных позиций и формирования общественного мнения, не прибегая к открытому принуждению. В этом случае власть действует через создание «поля», в котором альтернативные точки зрения либо полностью исключены, либо низведены до статуса маргинальных. Такой подход способствует формированию «информационной матрицы», в которой большинство участников воспринимает установленный порядок как естественный и неизбежный, не задумываясь о механизмах его формирования.

Еще одним важным аспектом невидимой власти является её способность создавать и поддерживать социальные конструкции, культурные нормы и стереотипы, которые, в свою очередь, определяют поведение индивидов и групп. «Устойчивость и скорость распространения “альтернативных фактов”, теорий заговора и ложных утверждений не перестают подтверждать, что в некоторых случаях люди остаются поразительно равнодушны к доказательствам, ставящим под сомнение их убеждения, и что то, что знанием не является (не допускает эмпирическую или практическую

проверку, не может быть логически или фактически обосновано), способно действовать так, как знание» [8, с. 85]. В этом случае власть действует через систему ценностей, традиций и символов, воспринимающихся как само собой разумеющееся. К примеру, социальные роли, гендерные ожидания, нормы поведения или представления о статусе или успехе – все это создается и поддерживается невидимыми механизмами, зачастую неосознанно для самих участников. В результате, власть становится не столько результатом внешнего принуждения, сколько внутренней конституцией социальной реальности, которая управляется через невидимые, но очень эффективные механизмы.

Трансформация понятий в настоящее время

Современная эпоха характеризуется не только технологическими инновациями, но и кардинальной трансформацией понятий, лежащих в основании человеческого мышления, самой социальной организации и культурных ценностей. В центре этих изменений – концепции знания, информации, власти, неопределенности и, конечно, незнания. В условиях использования незнания как ресурса, особенно важно понять, как именно цифровая революция меняет наше восприятие и интерпретацию этих понятий, а также каким образом она влияет на практики манипуляции, управления и формирования реальности. Трансформация понятий в эпоху цифровых технологий происходит на нескольких уровнях. Во-первых, происходит изменение самой природы информации и знания. Если раньше знание ассоциировалось с накопленным опытом, устоявшимися системами образования и авторитетными источниками, то сегодня оно становится динамическим, фрагментированным и зачастую неполным. Как справедливо отмечал Касавин И.Т., «знание – это то, что нуждается в обосновании и может быть обосновано, оно интерсубъективно и является продуктом особой познавательной деятельности, оно не возникает вдруг – в отличие от веры и мнения» [10, с. 81–82]. В цифровую эпоху информация не только доступна в огромных объемах, но и постоянно обновляется, перерабатывается и переосмысливается. Всё это создает новую парадигму восприятия знания – как чего-то неустойчивого, временного и условного. Понятия «истина», «факт» и «знание» приобретают новые оттенки, делая невозможным их однозначное определение или закрепление.

Во-вторых, происходит изменение роли власти и контроля. В традиционных общественных сообществах власть была связана с монополией на знание, его хранением и распространением через закрытые институты – церкви, государственные органы, академические учреждения. В цифровую эпоху границы между властными структурами и человеческим сообществом стираются, а контроль над знанием и информацией становится распределенным, но при этом более тонким и невидимым. Алгоритмы, системы автоматического анализа данных и искусственный интеллект открывают новые возможности для управления восприятием, формируют такое

«информационное пространство», в котором понятия власти и незнания подвергаются глубокому переосмыслению.

Третий аспект – изменение самой структуры и семантики понятий. В цифровую эпоху исчезает четкая граница между «знанием» и «неведением». «Ретроспективное признание незнания может вызвать состояние неведения, то есть тип знания о пределах знания» [6, с. 18]. В социальных сетях, поисковых машинах и аналитических платформах понятия «знание» и «незнание» становятся динамическими, взаимозаменяемыми и контекстуальными. К примеру, пользователь может обладать большим объемом информации об определенной проблеме, но при этом оставаться в неведении относительно иных её аспектов или более глубоких смыслов. Аналогично, системы автоматического анализа данных могут создавать иллюзию знания, которая на самом деле базируется на ограниченных или даже искаженных данных. В результате, понятия «знание» и «незнание» в цифровом пространстве приобретают новые коннотации – они становятся не только состояниями ума, но и *конструкциями*, формируемыми алгоритмами, платформами и системами, управляемыми скрытыми механизмами.

Наконец, четвертый уровень трансформации связан с понятиями неопределенности и риска. В эпоху цифровых технологий неопределенность становится неотъемлемой частью любой системы. В условиях постоянных изменений и высокой скорости обмена информацией понятия «предсказуемость» и «стабильность» утрачивают свою абсолютную значимость. В цифровых системах управление рисками и неопределенностью осуществляется через моделирование, симуляции и прогнозные алгоритмы, которые, в свою очередь, основываются на анализе больших данных. Нередко, в цифровых системах возникают «парадоксы знания»: пользователь может обладать доступом к огромным объемам информации, но при этом оставаться в состоянии невежества относительно ключевых аспектов, скрытых за фасадом данных и алгоритмических интерпретаций.

Еще одним важным аспектом в рассмотрении избранной темы является трансформация понятий «автономия» и «контроль». Традиционно автономия человека предполагала способность самостоятельно формировать свои убеждения, принимать решения на основе свободного выбора. «...Если наука о мозге навязывает вывод, что свободной воли не существует, то как это влияет на нашу моральную автономию?» [9, с. 74]. В цифровую эпоху указанный принцип подвергается серьезным вызовам, поскольку системы автоматического формирования контента, персонализации и предсказания начинают управлять не только тем, что мы видим, но и тем, что мы можем думать, чувствовать и делать. В этой связи, понятия «свободы» и «незнания» также требуют определенного переосмысления: человек может казаться свободным благодаря доступу к информации, но при этом быть невольным «пленником» системы, в которой его восприятие реальности формируется невидимыми алгоритмами. «Проблема незнания – вызов человеку, его неизбежной гордыне и сомнению» [7, с. 27].

Итак, цифровая революция существенно трансформирует сами понятия «знание», «истина», «реальность». Истина больше не абсолют – она результат сложных интерпретаций. Реальность перестаёт быть объективной: она многослойна, моделируема, управляется через виртуальные миры и симулякры. В соответствии с вышеизложенным возникает необходимость в новой философской парадигме, способной осмыслить эти изменения. Как установить, что истинно, а что – лишь «тень на стене пещеры»? «Понятия знания и истины неотделимы друг от друга: знание – это то, что оценивается как истина; истина – это необходимый атрибут знания. К мнениям и верованиям понятие истины неприменимо» [10, с. 82].

Заключение

В ходе исследования было предпринято попытка осмыслить роль незнания как стратегического ресурса в современном обществе, выявить многообразие форм его проявлений и установить границы его этической допустимости. В процессе анализа выяснилось, что незнание, традиционно рассматриваемое как недостаток или состояние неведения, в современной практике приобретает новые смыслы и функции. Оно перестаёт быть простым побочным эффектом информационной недостаточности и становится активным инструментом формирования власти, управления социальными процессами, а также средством защиты и сохранения структур власти в условиях быстро меняющегося мира. В соответствии с чем, само понимание незнания как стратегического ресурса требует переоценки базовых концепций знания, власти, свободы и ответственности. В эпоху цифровых технологий границы между знанием и незнанием становятся подвижными, а роль информации и контроль над ней приобретает новые измерения. Технологии автоматического анализа данных, искусственный интеллект, алгоритмы персонализации и системы наблюдения создают условия, при которых невидимое управление становится реальным благодаря управлению неполной или искаженной информацией. В этом контексте незнание выступает не только как состояние, но и как инструмент, способный формировать реальность, управлять восприятием и воздействовать на поведение индивидов и групп.

Можно сделать вывод, что незнание обладает двойственной природой: с одной стороны, оно открывает возможности для инноваций, защиты и управления, с другой – создает риски злоупотреблений, манипуляций и нарушения прав человека. «Смертные люди никогда не достигнут такого состояния знания, когда будет открыто все» [12, с. 64]. В условиях информационной эпохи важно не только уметь использовать незнание в своих целях, но и осознавать его границы, этические рамки и последствия. Только при условии ответственного подхода и соблюдения принципов прозрачности, честности и уважения к праву на информацию, управление незнанием сможет стать эффективным инструментом развития и прогресса, а сугубо прагматичным средством подавления и эксплуатации.

В заключение, подчеркнем, что изучение роли незнания как стратегического ресурса показывает необходимость переосмысления фундаментальных понятий и ценностей современного общества. «Незнание продукт <...> науки, и жить в среде созданного человеком незнания означает искать неизвестные ответы на вопросы, которые никто не может явно сформулировать» (см. подр.: [4, с. 177]). В условиях технологической революции и глобальных трансформаций, умение управлять незнанием и воспринимать его отнюдь не как слабость, а как мощный ресурс, становится ключевым фактором формирования будущего. Эпоха цифровых технологий не просто перекраивает старые понятия – она создаёт новые смыслы. Границы между реальным и виртуальным, известным и неизвестным стираются. И в этом хаосе именно умение управлять незнанием может стать ключом к власти – и, одновременно, свободе. Однако это с необходимостью требует ответственности. Осознанное обращение с незнанием способно строить общество, где уважается право каждого на правду. «Однако всё чаще мы наблюдаем проявления воли к незнанию о нём слишком много, поскольку это знание может ограничить наш повседневный образ жизни» [9, с. 73]. Может, в этом и заключается главный парадокс нашего времени?

Список литературы

1. Шестаков А.А. Концепт «граница» в контексте философской рефлексии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2023. Т. 20, № 3. С. 71–75.
2. Гегель. Наука логики. Т. I. Объективная логика [пер. с нем. Б. Г. Столпнера]. Primedia E-launch LLC, 2017. 540 с.
3. Голубинская А. В. Мотивированное незнание как философская категория: теоретический и практический потенциал // Logos et Praxis. 2023. Т. 22, № 2. С. 22–30.
4. Голубинская А.В. Чего не знают эксперты? О роли незнания и неопределённости в эпистемических культурах // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 2. С. 68–74.
5. Платон. Государство. Книга VII // Платоновское философское общество. URL: <https://plato.today/TEXTS/PLATO/LosevH/0308.htm?ysclid=miuqp10mzb965578300> (дата обращения: 07.12.2025).
6. Гросс М. Неизвестное. Динамика связей неведения, незнания и сходных понятий // Социологические исследования. 2008. №. 3. С. 13–22.
7. Гухман В.Б. Проблема незнания // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2018. №. 4. С. 23–35.
8. Дорожкин А.М., Голубинская А.В. Незнание как эпистемологическая проблема // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, №. 3. С. 77–90.
9. Жижек С. Воля к незнанию // ЛОГОС. 2021. №. 2. С. 63–78.
10. Касавин И.Т. Что недостаточно знать о знании // Эпистемология и философия науки. 2009. №. 3. С. 81–84.
11. Кирчанов М.В. «Культура незнания» как форма исторического воображения и политической культуры русского и болгарского национализма // Вестн.

Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5, вып. 3. С. 357–366.

12. Макаренко В.П. Станислав Андрески: исходные посылки социологии незнания // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 59–69.

13. Мамардашвили М.К. Введение в философию // Философские чтения. СПб.: Азбука-классика, 2022. С. 6–170.

14. Пак Г.С. От ученого незнания к мудрому неведению или о принятии решений в обществе незнания // Личность. Культура. Общество. 2018. №. 3-4. С. 176–183.

15. Платон. Теэтет // Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 192–274.

16. Порус В.Н., Бажанов В.А. Постнормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 4. С. 15–33.

17. Современные проблемы философии религии: уч. пособ. / В.П. Лега. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. 120 с.

18. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

19. Шестов Л. Sola fide – только верою. Париж: YMCA-Press, 1966. 294 с.

20. Alcott L.M. Epistemologies of Ignorance: Three Types // S. Sullivan, N. Tuana (eds.). Race and Epistemologies of Ignorance. New York: SUNY Press, 2007. P. 39–57.

IGNORANCE AS A STRATEGIC RESOURCE

Yu.V. Burtovaya, A.I. Ragoisha, A.A. Shestakov

Samara State Technical University, Samara

The article substantiates the idea of ignorance as a strategic resource that can have a significant impact on the development of socio-political institutions, economic strategies and cultural processes. This approach implies rethinking traditional ideas about knowledge as the main value and source of power, as well as identifying the potential of ignorance as a tool for strategic manipulation, forming alternative development scenarios and creating conditions for innovative thinking. The research is based on the hypothesis that ignorance can be not only the result of the limited information environment or the presence of cognitive barriers, but also a conscious tool used to achieve strategic goals. Is it possible to imagine a world where not knowing something is not a weakness at all, but a strategy? Modern reality is pushing us towards this understanding. In an era when information is pouring in and its volumes are snowballing, the ability to manage ignorance is becoming a valuable skill for both a politician, a scientist, and a businessman. Strategic ignorance is not accidental ignorance. This is a conscious choice: to keep silent, ignore, or even act out «ignorance» where everyone could in principle know. For what purpose? To gain additional leverage. In the context of global crises, social upheavals and environmental disasters, absolute knowledge becomes an illusion, and uncertainty management is a key skill for survival and development. In this sense, the strategy of ignorance is not the rejection of knowledge, but the ability to manage the

boundaries of knowledge, use it as a tool to create new scenarios and avoid predictability from their opponents or circumstances.

Keywords: *power, manipulation, ignorance, strategic resource, ethics, knowledge.*

Об авторах:

БУРТОВАЯ Юлия Владимировна – кандидат философских наук, ассистент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара. E-mail: julia-08@inbox.ru

РАГОЙША Александр Игоревич – аспирант ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара. E-mail: Ragoisha2020@yandex.ru.

ШЕСТАКОВ Александр Алексеевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара. E-mail: shestakovalex@yandex.ru

Authors information:

BURTOVAYA Yulia Vladimirovna – PhD (Philosophy), Assistant Professor at the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, Samara. E-mail: julia-08@inbox.ru

RAGOISHA Alexander Igorevich – PhD Student, Samara State Technical University, Samara. E-mail: Ragoisha2020@yandex.ru.

SHESTAKOV Alexander Alekseevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Samara State Technical University, Samara. E-mail: shestakovalex@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.01.2026.

Дата принятия рукописи в печать: 26.02.2026.